

ГРАФИНЯ ДАШЪ.

ГЕРЦОГИНЯ ДЕ ЛОЗЕНЪ.

РОМАНЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКОГО.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ Ф.Х.ІОРДАНА, ВОЗНЕСЕНСКІЙ ПР.№ 47.

1878.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 25 мая 1878 г.

ГЕРЦОГИНЯ ДЕ ЛОЗЕНЬ.

РОМАНЪ.

ГРАФИНИ ДАШЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Я предприняла описать приключенія моей жизни, не только ради себя, но ради людей меня окружающих. Я бѣдная женщина, осужденная на страданіе и несправедливость и обязанная скрывать очень тщательно мои мысли и ощущенія, потому что онѣ всегда оставались непонятными. Надо же, когда нибудь, поговорить откровенно, не опасаясь нескромности; надо довѣриться этой бумагѣ за отсутствіемъ друга, такъ какъ увѣ! я друзей не имѣю.

Не потому чтобы я никого не любила, не потому чтобы не встрѣчались добрыя души готовые меня полюбить въ свою очередь, но, въ томъ положеніи которое я занимала, въ той жизни, которою принуждена была жить, друзья невозможны, и это скоро увидятъ.

Однако, я видѣла много и знала много вещей. Человѣкъ, который сталъ моимъ мужемъ — герой не одного романа, и продолжалъ на мнѣ свои романтическія опыты. Я простила ему у его смертнаго ложа, но забыть никогда не забыла.

Я вторая дочь маршала герцога де Лоржъ, изъ дома Дюрасовъ и дѣвицы Фремонъ, дочери хранителя королевской казны, подъ Кольберомъ, который далъ ему средство нажить огромное состояніе.

Мой отецъ, стѣсненный въ денежномъ отношеніи, такимъ образомъ породнился съ міромъ финансовъ, и никогда не раскаявался, потому что мать моя была самая благородная, самая святая изъ женщинъ. Нахъ было пять дочерей и мы имѣли единственнаго брата, моложе меня и mademoiselle де Лоржъ, моей старшей сестры.

Меня называли mademoiselle де Кентень.

Отецъ и бабушка, г-жа Фремонъ, предпочитали мнѣ mademoiselle де-Лоржъ; я стала любимицей матери. Тѣмъ не менѣе, многочисленныя занятія при дворѣ и неизбѣжныя хлопоты высокаго положенія, изгнали насъ изъ отцовскаго дома и поселили къ бенедиктинкамъ Конфлана, гдѣ аббатиссой была г-жа Дамонъ, сестра моей бабушки. Тамъ, провели мы съ сестрой наши первые годы, подъ руководствомъ наставницы. Я не буду рассказывать извѣстную каждому монастырскую жизнь, и дѣвочки, пока онѣ маленькія, интересны только для мамокъ и нянекъ, которыя ихъ воспитываютъ. Мы были счастливы, молились Богу, ходили играть въ прекрасныхъ садахъ и считали самымъ важнымъ въ жизни событіемъ, ежемѣсячное посѣщеніе монсеньора, парижскаго архіепископа, когда онъ пріѣзжалъ въ свой лѣтній архіепископскій домъ, какъ выражалась одна изъ монахинь.

За исключеніемъ этого, дни проходили тихо, однообразно; мы ихъ усердно считали, въ надеждѣ ускорить такимъ образомъ теченіе времени; зачѣмъ? и сами не знали. То было смутное тревоженіе юности, которая призываетъ завтрашній день, не требуя ничего, кромѣ того чтобы онъ не походилъ на вчерашній.

Когда мнѣ минуло двѣнадцать, а сестрѣ четырнадцать лѣтъ, г-жа Фремонъ пожелала взять насъ къ себѣ, и наши родители согласились. Между матерью и дочерью отношенія были самыя искреннія и маршалъ де Лоржъ всегда былъ прекраснымъ относительно тещи; онъ, казалось, забылъ о неравности брака. Правда, что г. и г-жа Фремонъ, какъ и вся ихъ семья, принадлежали гораздо болѣе къ свѣту, чѣмъ обыкновенно бываетъ съ людьми такого происхожденія. Полное довѣріе г-на Кольберта, многочисленныя услуги, оказанныя моимъ дѣдомъ высокопоставленнымъ лицамъ эпохи, его абсолютная честность и безъукоризненное прямодушіе, пріобрѣли ему столько же друзей какъ знакомыхъ.

И такъ, мы у г-жи Фремонъ, чему я была очень мало обрадована; мать пріучила меня къ своимъ особеннымъ милостямъ, и я съ трудомъ выносила замѣтное предпочтеніе, котораго сестра моя была

такимъ очевиднымъ предметомъ; я просилась оставить домъ бабушки, но маршалъ мнѣ постоянно отказывалъ.

Однако же, разъ, когда онъ отправился въ армію, мать увезла меня къ ней: это былъ праздникъ. Она утѣшила мои дѣтскія горести сотней подарковъ, и увѣрила меня, что не много еще, и я буду вознаграждена за всѣ настоящія оскорбленія.

— У меня есть свой проектъ, — сказала она, — ты слишкомъ много и пристроить ихъ дѣло не легкое, не смотря на богатство родныхъ съ моей стороны и на роскошь нашего дома. Mademoiselle де Лоржъ, дѣвушка гордая, характера очень спокойнаго и любитъ уединенную жизнь.

Для нея получать аббатство и ты станешь старшею, мое дорогое дитя; я отдамъ тебѣ все что имѣю и мы тебя выдадимъ за вельможу.

— О! мама, г. и г-жа Фремонъ обожаютъ сестру, они никогда не изъявляютъ согласія.

— Они согласятся, если только mademoiselle де Лоржъ изъявитъ свое желаніе и этого надо добиться.

Я хорошо знала что до этого не добьются и не смотря на такія блестящія обѣщанія, не хотѣла купить свое счастье цѣной огорченій другой, особливо старшей сестры,

Здѣсь, я полагаю, самое мѣсто изобразить насъ обѣихъ, чтобы сдѣлать понятнѣе самый разсказъ и заранѣе объяснить его темныя стороны; хорошо извѣстныя характеры лицъ — это ключъ къ событіямъ.

Mademoiselle де Лоржъ была бѣлокурая, бѣлая, немного безцвѣтная личность, съ свѣтло голубыми глазами, обыкновенно кроткаго выраженія, но принимающими порой оттѣнокъ особенно пылкій, и тогда съ молніеносными взглядами. Холодная и спокойная съ виду, она обладала твердымъ характеромъ и непоколебимою волей. Надмѣнная, гордая, врагъ всякихъ слабостей, она никогда бы не пала, не по своей нечувствительности, ни даже изъ добродѣтели, хотя она несомнѣнно была добродѣтельной женщиной, но исключительно изъ уваженія къ самой себѣ, къ своему имени, къ своимъ близкимъ и изъ того поклоненія, которымъ она окружала мнѣніе свѣта, въ глазахъ ея, перваго могущества міра.

Сухоощая, очень жеманная, неграціозная въ походкѣ и въ жестахъ, она по природѣ не была общительной и казалась всегда невозмутимо спокойною, исключая минуты, когда ея взгляды кидали тѣ странныя молніи о которыхъ я говорила.

Впрочемъ, съ виду ничто не могло быть покладливѣе, покорнѣе и любезнѣе ея манеры и обращенія. Кромѣ меня, никто никогда не видалъ отъ нея ничего непріятнаго, и послѣдствія обнаружатъ какъ много я выстрадала отъ этихъ хваленыхъ доброты и ровнаго нрава.

Вотъ моя сестра, какою ее увидятъ до конца моей повѣсти. Что касается до меня, то это дѣло другое.

Я брюнетка, или вѣрнѣе, была брюнеткой, потому что волосы мои побѣлѣли рано отъ горестей. Я была хороша, достаточно хороша, чтобы въ первый моментъ, привлечь къ себѣ взоры и потомъ, остановить ихъ, не безъ особаго удовольствія. Въ противоположность сестрѣ, я обладала острымъ умомъ и веселымъ характеромъ; я смѣялась всему и эти два качества пережили всѣ мои бѣдствія. Г. де Лозень убилъ во мнѣ все, за исключеніемъ этого; я смѣялась среди моихъ слезъ, смѣялась въ моемъ заточеніи и полагаю, что стала бы смѣяться даже подъ пыткой.

Меня сочли легкомысленной, благодаря этой философіи, и однако же, Богу извѣстно, что между моей веселостью и моимъ сердцемъ, распутывать было нечего. Случалось, что въ самыя торжественныя минуты, во мнѣ являлась одна изъ этихъ забавныхъ проказъ, которыя, какъ бомбы влетаютъ вамъ въ голову; и становятся мукой пока отъ нихъ не отдѣлаешься. Я называла эти безумія моимъ демономъ, этотъ демонъ и теперь меня осаждаеть, при всей моей старости, конечно, я не гоню его болѣе, онъ составляетъ мое послѣднее утѣшеніе и въ моемъ теперешнемъ возрастѣ, я уже не боюсь чтобы онъ увлекъ меня дальше чѣмъ нужно.

Мое сердце, увы! было исполнено нѣжности, хотя я питала, не меньше сестры, весь ужасъ къ пороку и его жестокимъ послѣдствіямъ; я была всегда снисходительна, зная чего стоитъ остаться вполне безупречною, и какъ увлекаютъ насъ обстоятельства, помимо собственной воли.

Я часто и много мечтала и эти мечты унесли меня въ кругъ, слишкомъ далекій отъ того, въ которомъ я обитаю.

Мнѣ почести въ тягость. Сколько разъ, сидя передъ окномъ, въ этомъ замкѣ Ранданъ, свидѣтель проритыхъ и сдержанныхъ слезъ моей молодости, я смотрѣла завистливымъ взглядомъ на молодыхъ и проворныхъ крестьянокъ, съ босыми ногами, съ тяжелою ношей, свободныхъ какъ воздухъ, веселыхъ какъ птицы, и считавшихъ меня, конечно, счастливою, подъ этой парчой и золотыми уборами. Свобода!.. то былъ мой прекрасный, недостижимый призракъ. Нельзя быть свободной когда называешься герцогиней и обязанъ отчетомъ своему положенію, во всякомъ поступкѣ, во всякомъ сказанномъ словѣ!

Я не краснѣю признаться, что лучшая участь, по моему, это участь знаменитой актрисы. Она имѣетъ всѣ наслажденія нашей жизни, не зная цѣпей и живетъ въ кругу удовольствій, честныхъ для ней, но запрещенныхъ для нашего брата. Еслибы я не была m-lle де Кентенъ; то избрала бы эту карьеру, и имѣла бы успѣхъ, какъ мнѣ кажется.

Я полагаю, что теперь мой читатель достаточно знает меня и может слѣдить за рассказомъ. Прибавьте къ портрету полную откровенность, желаніе нравиться, вовсе не скрытое, хотя и ограниченное предѣлами долга, и вамъ не останется ничего узнавать обо мнѣ, кромѣ того, что событія сами вамъ скажутъ.

Я продолжаю рассказъ.

Моя мать не разставалась съ своей идеей и начала сообразно съ ней дѣйствовать, не на отца, не на господина и г-жу Фремонъ, это было бы бесполезно, но на m-lle де Лоржъ непосредственно, и не смотря на всю свою ловкость, ошиблась въ средствахъ успѣха.

Въ одно утро, она пришла къ бабушкѣ раньше обыкновеннаго и предложила сестрѣ отправиться съ нею, къ рекетмейстеру, г-ну д'Оннель, единственному брату мама, который очень любилъ нашу семью; и такъ какъ я изъявила желаніе тоже сопутствовать имъ, то она мнѣ сказала что я ей вовсе не надобна. Домъ дѣда и нашъ были смежные, и мы встрѣчались на каждой минутѣ, хотя бабушка не теряла насъ изъ виду, и одна наблюдала за нами; болѣзненный, г. Фремонъ имѣлъ здоровой одну свою голову, и сохранивъ ее въ полномъ значеніи слова, вель дѣла свои удивительно. Къ нему пріѣзжали совѣтоваться и онъ давалъ превосходныя наставленія.

Прошу васъ не сомнѣваться, что онъ не щадилъ ихъ для насъ, своихъ внучатъ.

Послѣ того какъ моя мать увезла m-lle де Лоржъ къ г-ну д'Оннель, мы остались у дѣдушки, слушать чтеніе святаго писанія. Часа черезъ три моя сестра возвратилась, по обыкновенію спокойная, только я, замѣтивъ молніеносныя взгляды ея пылающихъ глазъ, поняла то что говорилось; мама, уходя сказала ей кротко:

— Обдумайте зрѣло, дочь моя.

При этихъ немногихъ словахъ, я уже больше не сомнѣвалась, но молчала, ожидая чтобы она мнѣ сказала. Сестра была не изъ тѣхъ которыя говорятъ; исполняя буквально приказаніе матери она думала молча, и плодъ ея размышленій былъ именно тотъ, какимъ ожидать его слѣдовало. Я знала заранѣе что о немъ думать.

Вотъ какимъ образомъ все это было.

Мама начала съ различныхъ ласкательствъ, съ множества увѣреній въ своей материнской любви и съ подробнаго пересмотра характеровъ всѣхъ пяти дочерей, не пропуская даже и маленькихъ. Она съ особеннымъ удовольствіемъ хвалила m-lle де Лоржъ, ея благоразумныя мысли, высокій умъ, возвышенныя возрѣнія на вещи этого міра и кончила такъ:

— У насъ недостаточно средствъ чтобы надѣлать приличнымъ приданымъ дѣвушекъ вашего имени; значитъ, надо найти имъ карьеру сообразную положенію и способную сдѣлать ихъ счастіе. Серьезный умъ и нравственныя достоинства ваши призываютъ васъ къ высокому сану, какъ я уже говорила: постригитесь. Мы сдѣлаемъ васъ аббатисой въ одномъ изъ королевскихъ аббатствъ. Вы дойдете до управленія церковью, въ подвластной вамъ сферѣ и такимъ образомъ ваша жизнь будетъ счастливою и блестящею. Ни одна изъ вашихъ сестеръ не имѣетъ необходимыхъ достоинствъ для такого важнаго назначенія и менѣе всѣхъ m-lle де Кентенъ; ея легкомысліе не позволитъ ей даже стремиться къ этой блистательной славѣ. Она создана для двора, для свѣтскаго быта, чтобы быть обыкновенною женщиной, повиноваться мужу, который укажетъ ей путь, сообразный ея честолюбію или воли. Неправда ли и вы того мнѣнія?

— Моя сестра, не меньше меня, способна осуществить ваши высокія виды, сударыня; вы несправедливы къ ней, матушка.

Моя мать прикусила языкъ; она поняла всю силу противника.

И дѣйствительно, для семнадцатилѣтней молоденькой дѣвушки защита была достаточно ловкая.

— Я знаю что говорю, дитя мое. M-lle де Кентенъ далеко отстала отъ васъ во всѣхъ отношеніяхъ; я никогда не ослѣплюсь въ моихъ привязанностяхъ, будьте увѣрены въ этомъ.

Она возобновила своя краснорѣчивые доводы, на что сестра не поддавалась ни на шагъ, лавируя какъ старый придворный. И съ той и съ другой стороны эти пренія совершались изящно, пересыпаясь улыбками, комплиментами, ласками, на какія способны только придворные люди. Война была самая деликатная и поддерживалась съ ловкостью опытныхъ тактиковъ.

Такъ прошла вся продолжительная прогулка. Дядя д'Оннель, который не былъ въ секретѣ, поддержалъ мою мать, восхваляя въ m-lle де Лоржъ тѣже самыя качества и пророча ей завидное положеніе, если она сама его пожелаетъ.

— Я не имѣю призванія ни къ шуму, ни къ блеску, — скромно сказала сестра моя; я предпочитаю быть счастливою и не заставлятъ о себѣ говорить.

— Это самое то что я сейчасъ повторила вамъ, дочь моя, — поспѣшила ей возразить герцогиня; — вы презираете дворъ, и должны жить вдали отъ него.

— Я не говорила вамъ этого, матушка.

— А! я полагала...